

УДК 303.09

Антонов Б.А., кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Россия)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ КАРЛА ШМИТТА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Текст «Политической теологии» немецкого философа и правоведа Карла Шмитта (1888-1985) был опубликован в 1922 г., когда фактическое падение Веймарской республики спровоцировало начало идеологической борьбы германских интеллектуалов, результатом которой стал приход к власти национал-социализма. «Политическая теология» Шмитта в этой связи по праву считается актуальной научной репрезентацией истории Германии XX в., в рамках которой политико-теологическая интерпретация исследуемых Шмиттом концептов приводит страну к обусловленному выбору в пользу нацистского режима. Автор статьи предпринимает попытку проанализировать наиболее содержательно значимые положения «Политической теологии» Шмитта, определяя в качестве повода для их актуализации те кардинальные изменения, которые произошли в российском дискурсивном пространстве в XXI в. В отличие от большинства теологов XX в. Шмитт рассматривает политическую теологию как методологический подход, с помощью которого возможно реконструировать соответствующую (тому или иному историческому периоду) картину мира, используя в качестве основания для подобной реконструкции сходство между метафизическими и государственно-правовыми понятиями. Ключевым понятием, подтверждающим это сходство, выступает понятие *суверен*, которое в историческом и правовом отношении ассоциируется с понятием абсолютной власти. Автор статьи акцентирует внимание на множественности интерпретаций (от сугубо положительных до крайне отрицательных), которые предлагают сторонники и оппоненты Шмитта в отношении его понимания политической теологии в целом и абсолютной власти, в частности. Основанием для выдвижения ряда критических аргументов в адрес политической теологии Шмитта выступает признание ее методологической несостоятельности, которая объясняется отсутствием каких-либо доказательств со стороны ее автора в отношении тождества между теологическими и государственно-правовыми понятиями. Как следствие, политическая теология нередко используется как ортодоксальная риторическая практика, что приводит к прямому, не критическому заимствованию религиозных концептов современными политическими лидерами.

Ключевые слова: политическая теология, суверен, суверенитет, социология (правовых) понятий, социология суверенитета, абсолютная власть, чрезвычайное положение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-07-15

Введение. Первые два десятилетия XXI в. ознаменованы резко возросшим интересом западных и российских ученых к политической теологии. Отвечая на вопрос, почему религиозные идеи пользуются повышенным спросом в мире политики, Элизабет Филипс, автор популярной в США книги «Политическая теология: путеводитель для заблудших» (“Political Theology: Guide for the Perplexed”), называет в качестве основной причины трагические события 11-ого сентября, истоки которых следует связывать с политическим исламом.

Российские исследователи, в отличие от Филипс, называют не одно, а целый ряд происходящих в мире событий, которые так или иначе пронизаны религиозными настроениями их участников. Примерами советской сакральной практики по праву считаются праздничные шествия, поклонение «вождям», лозунги с призывами к «светлому будущему» и т. д. В данной связи есть смысл

вспомнить пронизанные религиозными настроениями демонстрации в Тегеране в 1979, результатом которых стало создание Исламской Республики Иран и приход к власти шиитских религиозных деятелей. И наконец, совсем недавний пример сакрализации современного политического пространства касается «новой американской религии», инициированной движением Black Lives Matter, которое объявило «мучеником» и «ангелом» Дж. Флойда, создав весьма специфическую иконографию вокруг его образа.

Возросший интерес к политической теологии немецкого философа и правоведа К. Шмитта в России объясняется по-разному. Первая причина, называемая некоторыми исследователями трудов Шмитта, носит более чем прозаический характер: из всех работ консервативных теологов только труды Шмитта были хорошо переведены и подробно откомментированы. Автор статьи,

тем не менее, полагает, что дело не только в этом, и не стоит, объясняя истоки популярности Шмитта в нашей стране, путать причину со следствием. ...

Спорность и провокативность позиции автора «Политической теологии» – а наряду с ней и таких его содержательно значимых работ, как «Понятие политического», «Номос земли» и «Диктатура», – привлекают внимание российских исследователей к самой дисциплине *политическая теология*, делая Шмитта чуть ли не самым популярным теологом России.

На наш взгляд, наиболее удачную характеристику Шмитта как автора «Политической теологии» предложил Т. Шишков, охарактеризовав его теологию как *пророческую*. Объяснение, данное российским исследователем в отношении теологии Шмитта, строится от противного: если пророческую теологию в традиционном смысле слова отличает «чувство *божественного присутствия*», то Шмитт в своем учении, скорее, руководствуется фактом *божественного отсутствия*, которое обусловлено отступничеством Бога от мира людей [8]. Причиной богооставленности по Шмитту выступает изначальное грехопадение человека («неправильная» метафизика) и тщетность его попыток преодолеть зло своими силами ... Возможно, в этой оценке содержится ответ на вопрос о причине популярности политической теологии Шмитта в России, поскольку, по мнению некоторых российских исследователей, пророчества, имплицитно заложенные в политической теологии Шмитта, в значительной степени сбываются именно на российской почве¹. При этом большинство из тех, кто присваивает Шмитту статус классика, не вдаются в подробности того, что именно квалифицирует его как теоретика российской современности [3].

Политическая теология К. Шмитта: отличительные признаки. В самом общем смысле политическая теология рассматривается как исследование взаимодействия между религией (богословскими концепциями) и политикой, а сам термин *политическая теология* часто используют в процессе анализа теологических воззрений относительно приоритетных политических вопросов.

При этом до сих пор не известны точные рамки возникновения политической теологии, и не определена ее принадлежность к конкретной области знания: в справочных и исследовательских материалах она значится либо как дисциплина, либо как «направление политической мысли».

И наконец. Кажущаяся легкость экспликации того, что стоит за исследованием взаимодействия между политикой и религией, отнюдь не снимает сложности, связанной с неоднозначностью толкования самого термина *политическая теология*, и это, как ни парадоксально, в конечном итоге оборачивается долгосрочной перспективой рассмотрения с ее помощью самых необычных форм взаимодействия божественного и политического [5].

Карл Шмитт был одним из первых, кто подверг политическую теологию кардинальному переосмыслению, написав в 1922 г. работу с одноименным названием. Спорность заявленных в этой работе положений спровоцировала ряд неоднозначных, а порою и кардинально оппозиционных исследовательских оценок на предмет, цели и задачи политической теологии: от сугубо негативных, где политическая теология сводилась к политической религии или ангажированной форме религиозной философии, до нейтральных, расценивающих теологию как необходимый элемент политико-правового управления.

Не ограничиваясь исследованием истоков взаимодействия религии и политики, не удовлетворившись выводами о роли церкви в жизни государства, не занимаясь подробно критикой политической теологии как ангажированной формы религиозной идеологии, Шмитт представил ее как *методологический подход*, с помощью которого возможно реконструировать соответствующую картину мира того или иного исторического периода. Основанием для такой реконструкции Шмитт полагает аналогичное сходство между метафизическими и государственно-правовыми понятиями [4]. Ключевыми понятиями, подтверждающими это сходство, выступают понятия *суверен* и *суверенитет*.

Понятие суверен и суверенитет в «Политической теологии» К. Шмитта. Любопытно, что первая глава «Политической

¹ См. ст. Дугина А.Г. «Карл Шмитт: пять уроков для России». Консервативная революция. М.: Арктогея, 1994. С. 54-67.

теологии» Шмитта в значительной степени посвящена не понятию *суверенитет*, которое заявлено в ее названии, а понятию *суверен*. Такая подмена может быть объяснена тем, что определение суверена, данное Шмиттом – «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» – дает ему право, не выбиваясь из соответствующих его логике целей, «сделать [именно] чрезвычайное положение в высшей степени пригодным для юридической дефиниции суверенитета» [10, с.8]. Определяя в качестве отличительного признака суверенитета чрезвычайное положение, Шмитт приходит к выводу о необходимости признания за сувереном неограниченной власти («суверенных полномочий»), которая давала бы последнему (в процессе принятия решения) возможность игнорировать закон, не способный на момент чрезвычайных обстоятельств стабилизировать ситуацию до уровня нормы. Таким образом, суверенность – условие, позволяющее верховному правителю стать сувереном – определяется Шмиттом как то, что проявляется в ситуациях, выходящих за рамки закона.

Задаваясь вопросом о том, «суверенен ли только Бог, т.е. тот, кто в земной действительности действует как его земной представитель или император или владетельный князь...» [10, с. 12]¹, Шмитт по сути поднимает вопрос о субъекте и признаке суверенитета, который [вопрос] сводится у него как минимум к двум аналогиям: первая проводится между Богом и его земным представителем с неограниченными полномочиями; вторая применяется к конкретному положению дел, а именно – к чрезвычайной ситуации.

Мысль о том, что «понятие суверенитета «связано с критическим, т.е. исключительным случаем», принадлежит французскому философу Ж. Бодену². Оттолкнувшись от нее, Шмитт аналогичным образом трактует и понятие чрезвычайного положения, и само понятие суверенитета, возведя их в ранг *предельных понятий*. При этом – и это крайне важно – «предельность» суверенитета

обеспечивает его полную производность (отклонение) от содержания юридической нормы [10], ибо последняя по самой своей сути не может зафиксировать конкретные чрезвычайные ситуации, в результате которых суверен принимает решение о приостановке или изменении ее [нормы] действия.

Отвечая на вопрос о том, что (или кто) может упразднить суверенитет, Шмитт, вслед за Боденом утверждает, что упразднение правовой нормы происходит после принятия сувереном (ответ на вопрос *кто*) решения о введении чрезвычайного положения (ответ на вопрос *что*), вследствие чего возможно предположить, что суверен стоит «вне нормально действующего правопорядка» и тем не менее принадлежит ему» [10, с. 10]. Другими словами, исходя из определенных обстоятельств, т.е. при наступлении чрезвычайного положения, суверен имеет полномочия упразднить правовую норму или даже изменить ее, не опираясь при этом ни на сенат, ни на народ³. Следуя логике такого рассуждения, отличительным признаком суверенитета и Боден, и Шмитт считают необходимым для суверена прекратить действие закона в случае чрезвычайного положения, т.е. в предельном, исключительном случае. При этом исключительный случай потому и считается исключительным, что исключает возможность сохранения того общественного порядка, который существовал до наступления необходимости его изменения, а на момент возникновения такой необходимости актуальный общественный порядок, не способный под воздействием прежней правовой нормы противостоять внешним и внутренним помехам (в виде кризиса, революции или войны), обретает характер *беспорядка*, устранение которого покоится на решении того, кто компетентен принять его единолично.

Таким образом, Шмитт не сводит вопрос суверенитета исключительно к полномочиям суверена. Чрезвычайное положение как его признак предполагает в большинстве своем «приостановление действия всего

¹ Следует, однако, отметить, что в дальнейших рассуждениях Шмитта нет прямых аналогий между Богом и сувереном, принимающим решение об исключительном положении.

² См. Боден Ж. Шесть книг о государстве. Антология мировой философии в 4-х томах. М., 1970.

³ Упразднение Гитлером Рейхстага рассматривается отнюдь не как проявление им полномочий суверена (согласно теории Шмитта), а как превентивная мера в отношении законодательного органа власти, который мог расцениваться фюрером как «помеха» в процессе принятия им решения о введении чрезвычайного положения.

существующего порядка», результатом чего становится и обязательное прекращение действия правовой нормы при сохранении порядка, правда, уже без элемента «право» перед ним.

Власть суверена становится в этом случае абсолютной: его решение, получившее монополию на свободу выбора любых полномочий, освобождается от необходимости следовать правовой норме, вследствие чего она автоматически уничтожается во имя права на жизнь государства и его граждан, т.е. права гуманитарного.

В рассуждениях Шмитта нет прямой аналогии между Богом и сувереном, но есть то, что предполагает настойчивое указание на соотношение государственно-правового и теологического, начиная с «всевластия современного законодателя, заимствованного из теологии», и заканчивая критикой Шмиттом тех юристов, которые игнорируют очевидное для него «отождествление теистического Бога с королем» (сувереном) в рамках монархического учения о государстве [10, с. 36]. Для Шмитта очевидно, что данное соотношение не случайно, а, напротив, носит системно-методологический характер, который проявляется в процессе развития любой формы политического устройства. Процесс такого развития оформляется не посредством юридических понятий свойственных конкретной эпохе (например, монархии), а посредством понятий, выходящих за пределы совокупности тех конкретных понятий, которые свойственны этой эпохе (например, демократии): «Метафизическая картина мира определенной эпохи имеет ту же структуру, как и то, что кажется очевидным этой эпохе как форма ее политической организации». Основание для выявления тождества метафизической и политико-правовой картины мира выступает *радикальная понятийность*, определяемая Шмиттом как «дошедшая до теологического и метафизического последовательность мысли» [10, с. 41-42]. То, какими именно путями следует мысль, достигая глубинного осознания первичности теологического, объясняет профессор А.Ф. Филиппов, рассматривая содержательную часть любой эпохи в качестве интуитивно достоверного

знания: «Всякая работа с материалом предполагает интуицию (допонятийное знание) и некоторое *первичное название* того, о чем пойдет речь, того *что*, которое потом будет описано и определено. Знание об этом *что* обладает интуитивной достоверностью также и для людей своей эпохи, но вместе с тем оно должно быть обозначено и в терминах нашей эпохи. ... Таким образом, мы приходим к некоторому пребывающему в разные эпохи *что* первоначальных интуиций ...»¹. Для Шмитта мысль о *что* интуитивно достоверна, а значит реальна и обозначенная как метафизическое (теологическое) понятие, она соотносится с юридическими понятиями². Еще раз отметим, что обнаружение такого соотношения дает Шмитту право считать верховенство решения суверена приоритетным по отношению к верховенству правовой нормы, которая пригодна к действию лишь при условии нормального положения. В случае же чрезвычайной ситуации, понимание которой сквозь призму политической теологии Шмитта соотносится с теологическим понятием *чуда*, встает вопрос о необходимости единовластного решения, понимание которого сквозь призму все той же теологии Шмитта соотносится с понятием Божьей воли. Речь в данном случае идет не о божественном вмешательстве, а о *включении* Бога в мир (Бог среди нас), когда государство и право выводятся из имманентности объективного, т.е. из учения о проявлении божественного в материальном мире, испорченном грехом ... Очевидны в этих условиях эсхатологические ожидания Шмитта, в рамках которых конец истории испорченного мира не определен, но обязателен, как обязательно и спасение человека в результате Второго Пришествия.

Эсхатология Я. Таубеса vs эсхатология К. Шмитта. Я. Таубес и К. Шмитт по праву считаются апокалиптическими мыслителями; при этом, по словам самого Таубеса, «Шмитт мыслит апокалиптически, но *сверху*, со стороны властей; моя же мысль движется *снизу*» [7, с. 95]. Апокалиптическое ожидание Шмитта – это ожидание контрреволюции, цель которой – охрана и удержание государственного порядка от опасности революции. Для Шмитта в связи с этим очевидна

¹ Цит. по: Таубес Я. Ad Carl Schmitt: Сопряжение противостремительного, «Владимир Даль», 2021, с. 38

² Там же, с. 41.

катехоническая природа суверена¹ и характерная для него роль «удержателя Антихриста»:

Я не думаю, что для изначальной христианской веры вообще возможна какая-либо иная картина истории, нежели *kat-echon*. Вера, что некая сдерживающая сила задерживает наступление конца света, наводит тот единственный мост, который ведет от эсхатологического паралича, тормозящего любое свершающееся в человеческом мире событие, к столь величественной исторической мощи [Цит. по: 7, с. 95].

Удерживающий катехон Шмитта предполагает договорные отношения с властью во имя сохранения государственного порядка в случае угрозы революции (как разновидности чрезвычайного положения), в то время как для Таубеса власть в функции катехона – это «первый признак того, как опошляется, одомашнивается христианский опыт последних времен, как он пытается договориться с миром и его властями» [7, с. 95-96].

Используя прямой перевод понятия *апокалипсис* (снятие покрова), Таубес рассматривает эсхатологию как удвоение оптики, в поле зрения которой попадает мир реальный, но изначально искаженный грехопадением человека², и мир идеальный, Богом задуманный. При таком осознании эсхатологии борьба между искаженным и должным мирами – это повод для активизации политического с его разделением на друзей и врагов, а значит и для наступления революции, которую Таубес воспринимает как апокалипсис. Другими словами, революция для Таубеса – это то смысловое напряжение истории, тот заряд энергии и тот наимоощнейший стимул для нее, который «стремится противопоставить всей тотальности мира некую *новую* тотальность» [6].

Шмитт, как и Таубес, осознает искажение «правильной» метафизики, но, в отличие от Таубеса, считает причиной такого искажения секуляризацию, отделившую религиозное от

политического и использовавшую в этих целях политическую теологию.

Неотделимость политического от религиозного Шмитт расценивает как возвращение к христианским догматам, к той правильной метафизике, которая гарантирует истинное понимание политического. А глубокое проникновение религиозных и политических смыслов друг в друга, описанное Таубесом в его «Западной эсхатологии», – это, скорее, повод для его сегодняшних последователей и сторонников задуматься над тем воздействием, которое оказывает на сегодняшнюю политическую и, в частности, президентскую риторику это взаимопроникновение. Политико-теологическая риторическая эклектика берет свое начало в речах Линкольна и широко применяется в современном дискурсе, авторы которых – Рейган и Буш – продолжают речевые традиции отцов-основателей Конституции США (но об этом чуть позже).

Социология юридических понятий в политической теологии Шмитта. В отличие от Лео Штрауса и Хайнриха Майера, считавших политическую теологию ангажированной формой религиозной идеологии, Шмитт видел в ней тот спасательный круг, который освобождает человеческое мышление от метафизического представления о Боге, отождествляя его с всевластным, но при этом вполне земным законодателем в лице суверена и вне зависимости от того, кто именно выполняет его функции – король, диктатор или народ.

Еще раз уточним: для Шмитта очевидно то, что политические истоки понятий *суверен* и *суверенитет* восходят к их теологическим истокам: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия» [10, с. 34]. В качестве доказательства этой мысли Шмитт приводит примеры использования в учении о государстве (1) понятия *суверен*, который принимает на

¹ Анализируя случаи применения политической теологии как методологического подхода к исследованию некоторых политико-правовых понятий, российский исследователь В.Е. Кондуров приходит к выводу об ошибочности прямой аналогии между понятием Бог и суверен, поскольку основной функцией суверена (исходя из рассуждений самого Шмитта) следует считать отнюдь не функцию божественного законодателя, а его роль катехона, который «сдерживает политическое» и «сохраняет порядок». Не стоит при этом забывать, что «...суверен обеспечивает существование порядка лишь в ситуации исключения. В связи с этим остается не проясненным принцип обеспечения существования порядка в нормальной ситуации» [4, с. 65].

² См. диссертацию Я. Таубеса «Западная эсхатология», М.: «Владимир Даль», 2023, 429 с.

себя всевластные полномочия *Бога*, и (2) понятия *чрезвычайное положение*, которое в политической теологии приравнивается к чуду. При этом Шмитт отвергает буквальный переход ключевых теологических понятий в область политики и права, предлагая в качестве метода обнаружения тождества между ними (как и между теологическими и политическими понятиями вообще) *социологию юридических понятий*, построенную на системной и структурной аналогии: «...смысл аналогии заключается в том, что в сфере того же государственного права существует системная структура, аналогичная содержанию понятийной структуры христианской теологии» [5, с. 310]¹.

Социология юридических понятий выделена Шмиттом как отдельный метод аналогии, «работающий» (в отличие от социологии понятия) прежде всего с понятиями политико-правовыми и предполагающий возможность их соотнесения. Отвечая на вопрос о том, как именно такое соотнесение возможно, Шмитт предлагает в качестве примера рассмотреть социологию понятия суверенитета:

Социология понятия суверенитета этой эпохи [монархии] предполагает демонстрацию того, что [ее] исторически политическое существование соответствовало всему тогдашнему состоянию сознания западно-европейского человечества и что юридическое оформление исторически-политической действительности смогло найти такое понятие, структура которого совпадала со структурой метафизических понятий... Таким образом, предпосылкой этого рода социологии юридических понятий является *радикальная понятийность*, т.е. дошедшая до теологического и метафизического осмысления последовательность мысли [10, с. 41-42].

Рассуждая таким образом, Шмитт по сути предлагает *свой* ответ на вопрос о том, что же первично: дух (в виде идеи) или материя (в виде события или политического устройства). Ответ его в равной степени не предвиден и не очевиден, а потому нуждается

в пояснении, которое предлагает профессор А.Ф. Филиппов. Анализируя приведенный Шмиттом способ мышления, Филиппов приводит пример человеческого восприятия «реальной» монархии, которая традиционно «первична» по отношению к той метафизической картине мира, куда встроена идея любой западно-европейской монархии. Неприятие такого разделения приводит Шмитта к «дошедшей до теологического и метафизического последовательности мысли», до того, что названо им «радикальной понятийностью», в рамках которой «понятие суть реальность», а «интуиция реальности может быть высказана на языке теологии и метафизики»².

И наконец. Суверенитет, рассматриваемый сквозь призму теологии, являет собой пример политического децизионизма, истоки которого Шмитт находит и в каноническом праве Святого Престола («Римско-католическая догма о непогрешимости папского решения точно так же содержит сильные юридико-децизионистские элементы... папа непогрешим лишь как глава церкви в силу своей должности...»), и в протестантском учении Ж. Кальвина («В кальвинистском учении Бог уже до грехопадения принял окончательное решение относительно спасения и проклятия, милости и немилости в отношении каждого отдельного человека...») [9, с. 324].

Политическая теология К. Шмитта как риторическая практика. Как справедливо отмечает В.Е. Кондуров, «политическая теология ... может оказаться полезным инструментом для обнаружения скрытого риторического потенциала тех или иных политико-правовых аргументов». С другой стороны, считает автор цитаты, «скрытый риторический потенциал» шмиттовской политической теологии легко трансформируется в «практику риторического заигрывания с теологическими понятиями», поскольку Шмитт не предлагает никакого методологического обоснования для доказательства тождества между теологическими и государственно-правовыми понятиями [4, с. 63].

¹ Несмотря на то, что подзаголовок к третьей главе назывался «Социология юридических понятий, в особенности понятия суверенитета», Шмитт не объясняет причины, по которой он называет свою теологию разновидностью социологии и не утруждает себя определением того, что он понимает под социологией юридических понятий. Однако тяга к точности, которая свойственна социологии, у Шмитта осталась (См. Филиппов А.Ф. Предисловие к книге Я. Таубеса «Ad Carl Schmitt: сопряжение противостремительного», с. 31).

² Цит. по: 7, с. 40-42.

Как следствие – политическую теологию нередко сводят к разновидности поверхностной риторической практики¹, в процессе которой политические лидеры используют религиозные понятия. Наиболее показательным в этом случае становится пример президентской риторики США, где многие политические понятия – и в частности, понятие *враг* – традиционно ассоциируются с понятием *зло*, а последнее, в свою очередь, апеллирует к институту греха. Такое соотнесение не имеет прямого отношения к социологии понятий Шмитта, поскольку слишком буквальной, если не сказать вульгарной, выступает в данном случае апелляция политической речи президента к религиозной терминологии: «...особенно заметным она (апелляция) становится в периоды чрезвычайного положения – войн и кризисов – когда вся религиозная риторика в целом начинает играть роль нравственного мерил в определении правомерности действий противоборствующих сторон» [1, с. 72].

Зато вполне в духе политической теологии Шмитта вещал в свое время 35-ый президент Соединенных Штатов Дж. Кеннеди, заявив в своей инаугурационной речи, что «...на всем земном шаре по-прежнему актуальна та революционная вера, за которую сражались наши отцы, – вера в то, что права даруются человеку не *щедротами государства*, но *Божьей дланью*»².

Сообразуясь с принципами демократии, президент США не ассоциирует свои функции с функциями суверена, но использование в его риторике таких оценочно-теологических и одновременно политических концептов, как *враг – зло – грех* придает и ему самому, и стране, которую он представляет, статус *миссионера* (еще один теологический термин). Иногда такая риторика приобретает некую предельность несвободной альтернативы, которая противоречит демократическому принципу свободы выбора: «Религиозные объединения могут занять следующую

позицию: “Если Вы не поддержите меня в этом вопросе, *Вы тем самым воспрепятствуете воле Бога*”. Они [религиозные объединения] иногда буквально связывают какую-либо частную программу с волей Бога. Большинство религиозных традиций, с которыми я знаком, сочтут это кощунством, поскольку это является в некотором роде *соединением религиозного императива или воли Бога с программой политических действий ...*»³. Обилие в политической риторике теологических терминов в еще большей степени отражает подобное соединение, усиливая тем самым и тему богооставленности, причиной которой выступает очевидная сиюминутность мирской власти и суетность человеческого стремления завладеть ею.

Заключение. Политическая теология в трактовке Шмитта представляет собой метод, область применения которого может быть рассмотрена в узком и широком смысле.

В узком смысле применение политической теологии (как метода, названного Шмиттом *социология (юридических) понятий*) позволяет обнаружить системные, структурные и аналогические связи между теологическими и политико-правовыми понятиями, что, в свою очередь, способствует выявлению тождества между метафизической и политической картиной мира.

В более широком смысле политическая теология служит для оценки и анализа большинства форм государственного устройства на тех или иных этапах его развития, а значит и для оценки политико-правовой реальности, которая, по меткому определению Кондурова, «не является областью одних лишь социальных фактов, институций и позитивно установленных норм, но включает в себя также и представления, наполняющие соответствующие установления смыслом, дающие им то или иное содержание, структурирующие их» [4, с.78]. В связи с этим политическая теология выступает в качестве средства уточнения, прояснения и интерпретирования тех или

¹ В своей политической теологии И.Б. Метц отводит ей роль риторического средства, вдохновляющего на политическую борьбу и противостоящего отчаянию в мире, где «людям угрожает... отказ от идеалов свободы эпохи Просвещения, от неотъемлемого достоинства человека, справедливости и долга борьбы за эти идеалы» [Цит. по: 4, с. 53]

² См. Инаугурационная речь Д.Ф. Кеннеди [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coldwar.ru/kennedy/speech.php> (дата обращения: 17.12.2016).

³ См.: Разделение и взаимодействие: религия и политика в США (интервью с Кеннетом Д. Уолдом) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infousa.ru/society/tjart7h.htm> (дата обращения: 17.12.2016).

иных понятий, представлений и смыслов, составляющих структуру политико-правовой реальности в ее историческом развитии. Аналогичного уточнения с использованием политической теологии требует современная политическая и президентская риторика.

В оптику политической теологии Шмитта попадают также понятия *суверен* и *суверенитет*, проблемы *абсолютной власти* и *единовластного Решения*, вопросы *чрезвычайного положения* и *нормальной ситуации* в

их предельном содержательно-формальном соотношении¹: «... идея абсолютной власти (Бога), выраженная в понятии суверенности, приобретает в наши дни форму политики безопасности, вынужденной постоянно обращаться к чрезвычайному положению, – и здесь возникает вопрос о «тайне» взаимосвязи между этой политической формой и ее содержанием, которую еще только предстоит обстоятельно изучить» [11, с. 13].

Список литературы

1. Антонов Б.А. О соотношении концептов «зло» и «враг» в речах Р. Рейгана // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». М., 2017. № 1 (7). С. 71-80.
2. Дугин А.Г. Карл Шмитт: пять уроков для России. *Консервативная революция*. М.: Арктогея, 1994. С. 54-67.
3. Кильдюшов О. Карл Шмитт как теоретик (пост)путинской России» // Политический класс, 2009. № 1 (49).
4. Кондуров В.Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод // Труды Института государства и права РАН, 2019. Т. 14. № 3. С. 49-78.
5. Ребров С.А. Политическая теология контингентности: читая материалистов с Карлом Шмиттом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2023. Т. 25. № 2. С. 308-318.
6. Сысоев Т. Апокалипсис навсегда. Рецензия на книгу Я. Таубеса «Западная эсхатология» [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/reviews/apokalipsis-navsegda/> (дата обращения: 25.01.2024).
7. Таубес Я. *Ad Carl Schmitt: Сопряжение противостремительного*. СПб.: Владимир Даль, 2021. 189 с.
8. Шишков А. Почему в теологии Карла Шмитта нет Бога? [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/pochemu-v-teologii-karla-shmitta-net-boga/> (дата обращения: 25.01.2024).
9. Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. *Государство: Право и политика*: пер. с нем. / Сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Территория будущего, 2013. 444 с.
10. Шмитт К. *Политическая теология* // Шмитт К. *Понятие политического* / пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
11. Яркеев А.В. Политическая теология: генезис концепта // Вестник Пермского ун-та. Серия «Политология», 2022. № 2. С. 5-13.

CARL SCHMITT'S POLITICAL THEOLOGY: THE HISTORICAL BACKGROUND OF THE ISSUE

The text of C. Schmitt's "Political Theology" was published in 1922, when the actual fall of the Weimar Republic provoked the beginning of the ideological struggle of German intellectuals the result of which was the rise of national socialism. In connection with this, "Political Theology" is rightfully considered an actual scientific representation of the history of Germany in the twentieth century, and his theory of sovereignty and sovereignty represents a conditioned choice of the country in favor of national socialism. Unlike most theologians of the 20th century, Schmitt considers political theology as a methodological approach with which it is possible to reconstruct the corresponding (to a particular historical period) picture of the world, using the similarity between metaphysical and state-legal concepts as the basis for such reconstruction. The key concept confirming this similarity is the concept of sovereign, which is historically and legally

¹ Так, единые для того или иного сообщества нормальные представления о том или ином политико-правовом феномене могут рассматриваться в качестве основания для установления связи между политической теологией и аналогичными правильными метафизическими и государственно-правовыми представлениями о нем же.

associated with the concept of absolute power. The author of the article focuses on the multiplicity of interpretations (from purely positive to extremely negative) offered by Schmitt's supporters and opponents regarding his understanding of political theology in general and absolute power in particular. The basis for putting forward a number of critical arguments against Schmitt's political theology is the recognition of its methodological inconsistency, which is explained by the lack of any evidence on the part of its author regarding the identity between theological and state-legal concepts. As a result, political theology is often used as an orthodox rhetorical practice, which leads to direct, non-critical borrowing of religious concepts by modern political leaders.

Keywords: political theology, sovereign, sovereignty, sociology of (judicial) concepts, sociology of sovereignty, absolute power, state of emergency.

References

1. Antonov B.A. (2017) O sootnesenii konceptov «zlo» i «vrag» v rechax R. Rejgana [On the correlation of "evil" and "enemy" concepts in R. Reagan's speeches]. *RSUH/RGGU Bulletin [Vestnik RGGU] "Psychology. Pedagogics. Education" Series*. N. 1 (17). pp. 71-80.
2. Dugin, A.G. (1994) Carl Schmitt: piat urokovdlia Rossii [5 lessons for Russia]. *Conservative revolution*. M.: Arktogeia. pp. 54-67.
3. Kil'dyushov, O. (2009) Carl Shmitt kak teoretik (post)putinskoj Rossii» [Carl Schmitt as a theorist of (post)Putin's Russia"] // *Politicheskij klass*. N. 1 (49). www.intelros.ru
4. Kondurov, V.E. (2019) Politicheskaya teologiya Karla Shmitta: diskurs i metod [Carl Schmitt's Political Theology: Discourse and Method]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. N. 3. pp. 49-78.
5. Rebrov, S.A. (2023) Politicheskaya teologiya kontingentnosti: chitaya materialistov s Karlom Shmittom [The Political Theology of Contingent: Reading the Materialists with Carl Schmitt]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia]*. N. 2. pp. 308-318.
6. Sy'soev T. (2023) Apokalipsis navsegda. Recenziya na knigu Ya. Taubesa «Zapadnaya e'sxatologiya» [The apocalypse is forever. Review of the book by J. Taubes "Western Eschatology"]. URL: <https://gorky.media/reviews/apokalipsis-navsegda/> (accessed: 25.01.2024)
7. Taubes Ya. (2021) Ad Carl Schmitt: Gegenstrebiges Fugung [Sopryazhenie protivostremitel'nogo]. StP: Vladimir Dal'.
8. Shishkov A. (2023) Pochemu v teologii Karla Shmitta net Boga? [Why is there no God in Carl Schmitt's theology?]. URL: <https://gorky.media/context/pochemu-v-teologii-karla-shmitta-net-boga/> (accessed: 25.01.2024)
9. Schmitt, K. (2013) O trex vidax yuridicheskogo my'shleniya [About three types of legal thinking], *Gosudarstvo: Pravo i politika [State. Law and Politics]*. M.: Territoriya budushchego. 444 p.
10. Schmitt, K. (2016), Politicheskaya teologiya [Political theology] // Schmitt, K. *Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]*. M.: Nauka. pp. 5-59
11. Yargeev A.V. (2022) Politicheskaya teologiya: genesis koncepta [Political Theology: the genesis of the Concept]. *Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of the Perm University]*. N. 2. pp. 5-13.

Об авторе

Антонов Борис Александрович – кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Россия), E-mail: heidel@rambler.ru

Antonov Boris Alexandrovich – Candidate of Law, Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Russia), E-mail: heidel@rambler.ru